

АСЕАН и ЧЕТВЕРТАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ*

Четвертая промышленная революция (ЧПР) и связанные с ней изменения – вопрос уже ближайшего будущего. Она затронет все аспекты бытия человечества, до неузнаваемости изменив мир. Уже сейчас определяя характер и содержание многих тенденций глобального и регионального развития, ЧПР существенным образом влияет на политику и перспективные планы многих региональных акторов, в числе которых АСЕАН.

Особенностями нынешнего этапа глобализации можно считать растущее взаимопроникновение физического и виртуального миров и связанные с этим изменения экономической, социальной и даже онтологической сторон жизни современного человека. Не пересказывая существующие публикации о сути Четвертой промышленной революции и ее последствий, важно проследить в опережающем режиме, в чем состоят вызовы для Ассоциации, и уточнить, в чем может и должен заключаться ее ответ.

«Глобализация недоверия» как контекст развития АСЕАН

Суммируя факторы, определяющие глобальный контекст развития АСЕАН, в том числе формируемый Четвертой промышленной революцией, выделим наиболее важные.

Просматривается отчетливая перспектива снижения доли труда в ВВП. Масштабированная деятельностью глобальных цифровых платформ, соединяющих потребителей и производителей общественных благ, развитие этой тенденции создает предпосылки маргинализации производительного труда, в том числе квалифицированного, как вида человеческой деятельности.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке программы индивидуальных исследовательских грантов факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Происходит лавинообразное наращивание информационной взаимозависимости. Согласно данным McKinsey@Company, если в 2005 г. суммарный объем передаваемой в секунду информации составлял 4,7 терабитов, то в 2014 он возрос до 211,3 терабитов, увеличившись в 45 раз¹. Часть этой информации почти наверняка используется спецслужбами государств с продвинутыми возможностями в сфере ИКТ. На фоне перспективы высвобождения избыточной рабочей силы и дальнейшего развития технологий, позволяющих мобилизовать большое количество людей на социальные протесты, угроза стабильности режимов и управляемости внутривнутриполитических процессов просматривается более чем явно.

Происходит десакрализация политики как сферы общественной деятельности. Налицо измельчание элит, когда на волне популистских лозунгов в политической жизни многих стран участвуют люди, не обладающие качествами сильных политических лидеров, например, уровня Ли Куан Ю, Ш. де Голля или Ф.Кастро. Власть и оппозиция апеллируют к текущим потребностям электората, основное из которых – потребление «здесь и сейчас», в том числе в ущерб долгосрочным, стратегическим по своему характеру приоритетам. В отсутствие «большого проекта» общество погружается в идейный вакуум, заполняемый консьюмеризмом как смыслом существования.

Происходит слом институтов глобального регулирования и снижение возможностей мирового сообщества дать консолидированный отклик на вызовы нового этапа глобализации. В современном мире не остается ни одной серьезной проблемы, по которой у международного сообщества была бы единая позиция. Кризис ВТО и неспособность ООН снизить остроту северокорейской и сирийской проблем – яркие тому подтверждения. Интеллектуальные и социальные запросы, а также уровень компетентности, многих современных «лидеров общественного мнения» не позволяет надеяться даже на серьезное осмысление этих проблем, не говоря об их эффективном решении.

Для самой Ассоциации в этом контексте важными становятся несколько моментов. Первый из них – одновременная эскалация традиционных и нетрадиционных угроз безопасности с

их проекцией на Юго-Восточную Азию. Развитие ядерных программ КНДР на неопределенный срок отложило присоединение ядерных держав к такому проекту Ассоциации, как создание в ЮВА зоны, свободной от ядерного оружия. Неся потери на Ближнем Востоке, ИГИЛ распространяет свою деятельность на другие регионы, среди которых ЮВА с ее многочисленным мусульманским населением. Согласно распространенным в ЮВА оценкам, в обозримой перспективе угроза международного терроризма будет оставаться одной из наиболее острых для расположенных там государств².

Перспективные проекты экономического сотрудничества приносятся в жертву сиюминутной политической конъюнктуре. Примеров тому множество, и один из них – экономическая война, развязанная «коллективным Западом» против России. Отделение экономики от политики и использование экономических возможностей для смягчения политических противоречий – та сверхзадача, которую Ассоциация ставила, приступая к формированию диалоговых площадок Региональный Форум АСЕАН, Совещание министров обороны (СМО) АСЕАН+8 и Восточноазиатский саммит. Тем большее разочарование Ассоциация испытывает, убеждаясь, что на глобальном уровне, где АСЕАН стремится утвердить себя в качестве влиятельного игрока, ситуация развивается по наихудшему сценарию.

Особую обеспокоенность АСЕАН вызывает то, что она может оказаться в «двойной ловушке» – в сфере геополитики и геоэкономики. В первом случае речь идет о выборе между США и Китаем по актуальным угрозам безопасности, в первую очередь проблеме Южно-Китайского моря. Нарратив США о формировании Индо-тихоокеанского региона и перспектива возобновления Четырехстороннего сотрудничества с участием Индии, Японии, Австралии и США ставят ЮВА в эпицентр противостояния Китая с одной стороны и США и их союзников и партнеров с другой. Во втором – по мере активизации политики Китая и Индии в ЮВА их противоречия могут проецироваться на ЮВА и АСЕАН. Проект Инициатива пояса и пути рассматривается Индией не в экономических, а в геополитических категориях – как превращение Южной Азии и ЮВА в

арену повышенной проницаемости геополитических интересов КНР в ущерб Индии³.

Современная форма глобализации контрастирует с существовавшей в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда экономическая взаимозависимость подкреплялась стремлением глобальных игроков налаживать и поддерживать диалог по актуальным политическим вопросам. Сейчас налицо отсутствие даже базовых предпосылок для коллективного обсуждения назревших и перезревших проблем. По совокупности всех факторов современный этап развития человеческого общества заслуживает определения «глобализация недоверия». Именно такой является внешняя среда, в которой АСЕАН придется отвечать на вызовы Четвертой промышленной революции.

АСЕАН и ЧПР: возможности и вызовы

Констатируя, что Четвертая промышленная революция несет Ассоциации как возможности, так и вызовы, важно четко понимать содержание тех и других.

Говоря о возможностях, отметим перспективу увеличения числа самозанятой рабочей силы в сферах, позволяющих капитализировать эффект масштаба. Основой их деятельности едва ли станет производство, будь то квалифицированные услуги или товары с высокой добавленной стоимостью. Глобальные тенденции создают запрос, прежде всего, молодежи, на развлекательный контент наподобие светской журналистики, реалити-шоу и эпатажного видео-блогинга. Запроса на «длинные инвестиции», в том числе интеллектуальные, современная ситуация не формирует, и страны ЮВА не являются исключением.

Отметим и расширение возможностей малых и средних предприятий стран ЮВА привлекать дополнительное финансирование. О значении таких предприятий для экономик стран ЮВА говорит то, что они составляют от 89% до 99% от общего числа предприятий стран ЮВА, обеспечивая от 52% до 97% занятости работников⁴. Реклама в интернете вполне позволяет таким предприятиям найти новых инвесторов, в том числе за пределами ЮВА.

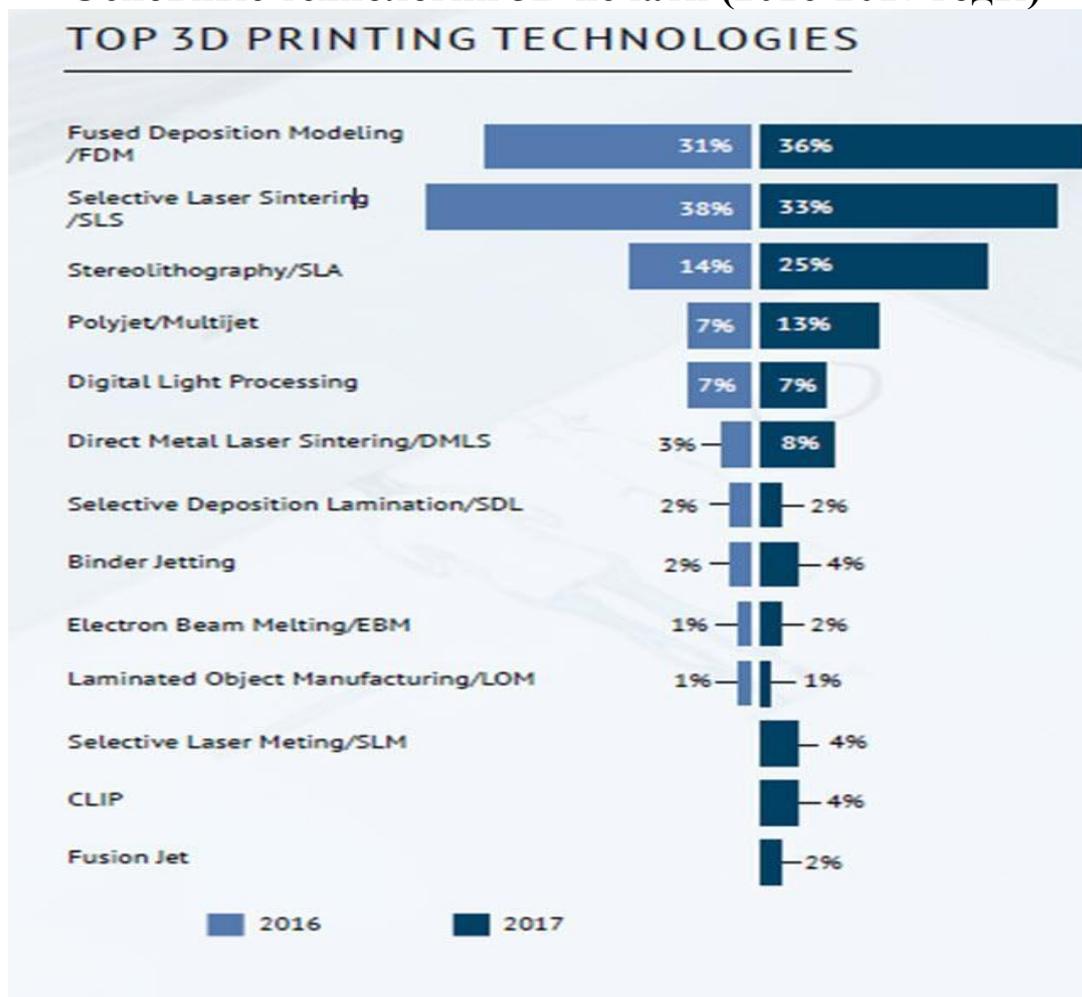
Наконец, повысятся возможности стран ЮВА прогнозировать стихийные бедствия и ликвидировать их последствия. ЮВА расположена в зоне повышенной сейсмической активности, и технологии, позволяющие повысить эффективность мероприятий по ликвидации последствий землетрясений, цунами и наводнений, будут явно не лишними. Технологически продвинутые средства радиолокации позволят находить погребенных под завалами людей, беспилотные летательные аппараты – доставлять терпящим бедствие людям продовольствие, питьевую воду, медикаменты и пр. Это особенно актуально для сельских районов стран ЮВА с неразвитой транспортной инфраструктурой.

Применительно к вызовам, отметим главное: Четвертая промышленная революция не позволяет Ассоциации реализовать крупный проект, сопоставимый с ее предыдущими «историями успеха». ЧПР может перевести в режим он-лайн управления многие компоненты экспортоориентированных производств, составивших основу экономической модернизации стран ЮВА. По имеющимся оценкам, роботизация производств приведет к сокращению рабочих мест на 60% в автомобильной промышленности Индонезии и 73% Таиланда соответственно. Порядка 60% рабочих мест в Индонезии, на Филиппинах, во Вьетнаме и в Таиланде будут автоматизированы. В производстве текстиля, одежды и обуви это угрожает 64% рабочих мест в Индонезии, 86% во Вьетнаме и 88% в Камбодже. В сфере розничной торговли это произойдет с 68% рабочих мест в Таиланде, 71% в Камбодже, 85% в Индонезии и 88% на Филиппинах⁵. Фактически, это означает конец традиционной «азиатской фабрики», когда развитые страны переносили производства в ЮВА с целью их удешевления. В перспективе развитие 3D печати вполне позволит производить необходимые узлы в непосредственной близости от производственного ядра, и необходимость в локализации производств в ЮВА, с трансфером инвестиций, технологий, повышением квалификации работников за счет работодателя и прочими атрибутами «азиатской фабрики» будет снижаться.

В этом контексте важно подчеркнуть: 3D печать становится все более технологически продвинутой. От печати при-

митивных изделий она распространяется на сектора, составляющие основу «экономики 21 века».

Основные технологии 3D печати (2016-2017 годы)⁶

Потерявших работу людей нужно будет отвлечь от текущих проблем, чем ожидаемо займутся всевозможные шоумены и иные представители индустрии развлечений. Пополнив число бенефициаров ЧПР, они вызовут еще большее раздражение уволенных работников. Огромную массу людей, оставшихся не у дел, недовольных своим положением и не видящих социальных перспектив, можно легко мобилизовать на социальные протесты, технологии чего уже отработаны.

Но главное – у Ассоциации как международного актора отсутствуют ресурсы для достижения крупных «историй успеха». В самом общем виде ресурсы, необходимые Ассоциации для таких проектов, могут быть суммированы следующим образом. По внешнему треку это готовность партнеров АСЕАН

рассматривать ее как единое целое и в идеале – делегировать ей инициативу в выстраивании многостороннего сотрудничества. По внутреннему – готовность Ассоциации выполнять такую задачу. С институциональной точки зрения важна степень готовности АСЕАН предложить своим партнерам конкурентоспособные идеи и институты для выстраивания такого сотрудничества.

Партнеры Ассоциации едва ли склонны рассматривать ее как единое целое. Прежде всего потому, что АСЕАН не реализует экономического проекта, который мог бы, принеся выгоду каждому из участников сотрудничества, повысить их заинтересованность в услугах АСЕАН как его модератора. Не завершены переговоры о формировании РВЭП, которые стартовали до того, как нарратив о ЧПР стал пронизывать дискуссии политиков и интеллектуалов ЧПР. Соответственно, сотрудничество под патронажем АСЕАН по направлениям, хотя бы косвенно связанным с ЧПР, ожидаемо вызовет противодействие партнеров «десятки».

Это тем более вероятно, что проект Инициативы пояса и пути содержит ИКТ-составляющую. По экспертным оценкам, это может дать китайским он-лайн платформам конкурентные преимущества, а китайским спецслужбам – возможность отслеживать информацию, относящуюся к вопросам национальной обороны стран-участниц проекта ИПП⁷. С учетом остроты нынешних китайско-индийских противоречий по поводу ИПП сомнительно, что Китай и Индия будут координировать такое сотрудничество, тем более под патронажем АСЕАН.

В сфере цифровой экономики Ассоциация развивает отношения с США в рамках Инициативы по наращиванию взаимосвязанности. Помимо прочего, это предполагает поддержку Вашингтоном усилий АСЕАН в сфере инноваций, инклюзивного экономического роста и «наращивания возможностей» (*capacity building*). Однако в планы США едва ли входит координация таких мероприятий с другими партнерами Ассоциации, прежде всего с Китаем.

Сама АСЕАН не готова взять на себя роль движущей силы сотрудничества в сфере ИКТ. Для выполнения такой задачи нужно быть на шаг впереди своих партнеров, однако между

странами ЮВА остаются слишком большие разрывы с точки зрения доступа к благам цифровой экономики. Лишь 26% населения Мьянмы и Лаоса имеют доступ к интернету (среднее значение по ЮВА составляет 53%)⁸. Примерно 70% жителей ЮВА не пользуются банковскими услугами, а в некоторых странах лишь 5% населения имеет кредитные карточки⁹. Но главное – инфраструктура стран АСЕАН уязвима перед кибератаками, а технологий и компетенций, необходимых для их предотвращения, у асеановцев нет.

Объемы электронной коммерции в ЮВА существенно уступают конкурентам. В настоящее время на ЮВА приходится 9 млрд долларов он-лайн продаж, или 14 долларов на человека. В Китае – 426 млрд долларов и 327 долларов на человека соответственно¹⁰. В странах ЮВА нет он-лайн платформ, способных конкурировать с гигантами мировой IT-индустрии. По имеющимся оценкам, в глобальном масштабе Google контролирует 90% контекстной рекламы, Facebook – 77% социального трафика, а Amazon – 75% рынка электронных книг. Появление асеановских компаний с хотя бы частично сопоставимыми возможностями маловероятно¹¹.

Одновременно Ассоциация вынуждена серьезно переосмыслить будущий курс развития собственных проектов регионализма. В условиях виртуализации продуктов, вместо экспорта и импорта готовой продукции, компании торгуют ее дизайном и используют 3D печать для оперативного производства необходимых компонентов. Это ставит перед Ассоциацией ряд вопросов по линии Зоны свободной торговли: если предприятие одной из стран АСЕАН покупает виртуальный продукт, печатает его в собственной стране и в результате несет убытки, кто их должен возмещать? Как гармонизировать сферу, например, торговли медицинскими услугами и при этом сохранять медицинскую тайну в тех случаях, когда это необходимо? Как в условиях временного цейтнота повысить долю квалифицированной рабочей силой в общем объеме таких обменов, если сейчас число работников, охваченных соглашениями о взаимных признаниях квалификаций (*Mutual Recognition Arrangements*), составляет всего 1,5%, а 87% рабочих-мигрантов заняты неквалифицированным трудом и находятся вне правового по-

ля¹²? Как должно осуществляться налогообложение и социальная защита работников по мере роста торговли виртуальными продуктами? Как часто должна обновляться правовая база проектов экономического регионализма АСЕАН наподобие АФТА или АТИГА? И это лишь часть вопросов.

Что касается институционально-идейной основы сотрудничества, то принципы АСЕАН с акцентом на консенсус, правило «последнего готового» и добровольности выполнения взятых на себя обязательств препятствуют реализации проектов, если они все-таки будут запущены. Традиционно неторопливый асеановский стиль ведения дел приходит во все большее противоречие с реалиями сегодняшнего дня, когда в условиях ЧПР залогом конкурентоспособности становится быстрота реагирования на перемены.

В целом, наступающая эпоха ставит перед Ассоциацией ряд вызовов, способных маргинализировать ее как международного актора. Применительно к АСЕАН ремарка председателя совета директоров компании Alibaba Group Д.Ма, что в течение следующих тридцати лет новые технологии принесут больше проблем, чем поводов для радости¹³, представляется вполне уместной.

Дорожная карта ответа

Анализируя возможности Ассоциации дать ответ АСЕАН на порождаемые ЧПР вызовы, важно понимать, что Ассоциация не может и может сделать. АСЕАН не может остановить ход ЧПР и изолировать от нее Юго-Восточную Азию. Однако АСЕАН может провести перезагрузку сотрудничества между своими участниками и внести вклад в формирование Большой Евразии как внешнего контекста своего развития, одновременно проведя перезагрузку сотрудничества между своими участниками. Это позволит Ассоциации вернуть базовые предпосылки своих «историй успеха».

Применительно к внешнему треку подчеркнем: именно в рамках проекта Большая Евразия партнеры Ассоциации будут рассматривать АСЕАН как единое целое. Причина проста: к формированию евразийского пространства безопасности и сотрудничества будут адаптированы асеановские многосторонние

диалоговые площадки по вопросам безопасности – Региональный форум АСЕАН, Совещание министров обороны АСЕАН+8 и Восточноазиатский саммит (ВАС). Отмечая, что тема кибербезопасности занимает все более высокое место в приоритетах асеаноцентричных диалоговых площадок, а также то обстоятельство, что ИГИЛ (запрещена в России) активно осваивает интернет-пространство, АРФ, СМО АСЕАН+8 и ВАС, координируемые усилиями Ассоциации, будут востребованы и предоставят евразийским партнерам АСЕАН свои лучшие наработки.

Эти наработки реально существуют. В 2016 году в рамках СМО АСЕАН+8 была создана Экспертная рабочая группа по кибербезопасности. Хотя ее назначение состоит, главным образом, в поощрении информационных обменов между АСЕАН и ее партнерами и содействии повышению их способностей реагировать на угрозы безопасности в киберсфере¹⁴, примечательна готовность ее участников развивать такое сотрудничество в стратегической перспективе. Противодействие киберпреступности получает все большее внимание на заседаниях Регионального форума АСЕАН (АРФ)¹⁵.

На внутриасеановском треке участие в евразийском проекте станет мощным внешним стимулом, который подтолкнет Ассоциацию к формированию новой операционной среды регионализма в ЮВА. В числе необходимых мероприятий: перезагрузка работы Секретариата АСЕАН (одно из предложений – внести в нее элементы деятельности платформ по образцу Apple IOS или Android), делегируя больше полномочий Фонду развития инфраструктуры АСЕАН и Управлению макроэкономических исследований АСЕАН+3. Другие назревшие шаги включают измерение практики долгосрочного планирования наподобие Дорожных карт на семь-десять лет вперед на трехлетние планы, интеграцию инновационных кластеров в отдельных странах и зон экономического роста, охватывающих три-четыре государства, в единое инновационное пространство ЮВА¹⁶. Наконец, необходимо переосмыслить многие компоненты «Пути АСЕАН», т.к. реалии Четвертой промышленной революции требуют быстрого принятия решений и их оперативной практической реализации.

Занимаясь развитием Генерального плана АСЕАН по ИКТ, Ассоциация нацелена на превращение ЮВА в ареал продвинутой цифровой экономики, безопасной, устойчивой и способной к переменам, а также развитие инновационного, инклюзивного и интегрированного Сообщества АСЕАН. Эта задача будет реализована посредством выполнения программ по непрерывному образованию, предоставлению гражданам АСЕАН современной инфраструктуры, технологий и компетенций в ИКТ-сфере. Примечательно внимание АСЕАН к информационной безопасности как одному из ключевых направлений сотрудничества, одним из компонентов чего является создание «цифровой экономики доверия» (*trusted digital economy*)¹⁷.

Идейная составляющая успешной политики АСЕАН в контексте евразийского сотрудничества является продолжением первых двух компонентов. Если проект Большая Евразия будет институционализирован в формате АСЕАН-ШОС-ЕАЭС, Ассоциация может получить статус его «движущей силы»¹⁸. Тем самым сотрудничество на пространстве Большой Евразии будет осуществляться на основе асеановских принципов с акцентом на невмешательство во внутренние дела суверенных государств. Из проблем евразийской безопасности, на состоянии которых это положительно скажется, можно обоснованно отметить кибербезопасность.

Выводы

В Четвертую промышленную революцию АСЕАН встраивается на правах ведомого игрока. В нынешней системе координат ресурсы Ассоциации недостаточны для того, чтобы в сжатые сроки нарастить необходимые ресурсы до уровня, позволяющего повысить конкурентоспособность ЮВА как единого геоэкономического пространства и выправить перекосы в доступе к он-лайн экономике между входящими в нее странами.

Изменение к лучшему сложившейся для АСЕАН ситуации предполагает не столько наращивание ее ресурсов в рамках уже существующей парадигмы, сколько формирование принципиально иного контекста развития. Органично сопрягаясь с преобразованиями по внутриасеановскому треку, такой кон-

текст позволит купировать развитие неблагоприятных, заведомо деструктивных для АСЕАН тенденций.

Проект Большая Евразия имеет шансы стать тем самым внешним контекстом, который позволит Ассоциации усилить предпосылки успешности ее политики. Вкупе с проведением необходимых внутренних реформ участие АСЕАН в формировании Большой Евразии и последующее использование результатов этого проекта позволит Ассоциации достойно встретить вызовы Четвертой промышленной революции.

¹ McKinsey Global Institute analysis Digital Globalization: The New Era of Global Glows. 2016 Available at <http://www.mckinsey.com/business-functions/digital-mckinsey/our-insights/digital-globalization-the-new-era-of-global-flows>

² 50 Tahun ASEAN, 2 Tantangan Terbesar ke Depan. Tempo. 27 Agustus 2017. URL: // <https://dunia.tempo.co/read/903652/50-tahun-asean-2-tantangan-terbesar-ke-depan>; (2017) Jokowi: Kejahatan Terorisme Jadi Tantangan Baru ASEAN. Republika.co.id. 11 Agustus. URL: <http://nasional.republika.co.id/berita/nasional/umum/17/08/11/ouildv425-jokowi-kejahatan-terorisme-jadi-tantangan-baru-asean>

³ Park S., Singh R. Why India Boycotted the Belt and Road Forum. East Asia Forum. 13 June 2017. URL: // <http://www.eastasiaforum.org/2017/06/13/why-india-boycotted-the-belt-and-road-forum/>

⁴ ASEAN 4.0: What Does the Fourth Industrial Revolution Mean For Regional Economic Integration? ADB White Paper. November 2017. P. 8.

⁵ Pham Thi Phuong Thao. The New Economy in ASEAN. ASEAN Focus. 2017. № 3. P. 14-15.

⁶ Columbus L. The State of 3D Printing, 2017. Forbes. 23 May 2017. URL: // <https://www.forbes.com/sites/louiscolumbus/2017/05/23/the-state-of-3d-printing-2017/#401c6d3b57eb>

⁷ Basu Das S. OBOR's Digital Connectivity Offers Both Benefits and Risks. ISEAS Perspective. 2017. № 60. URL: // https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEAS_Perspective_2017_60.pdf

⁸ Kemp S. Digital in Southeast Asia in 2017. We Are Social. 16 February 2017. URL: // <https://wearesocial.com/special-reports/digital-southeast-asia-2017>

⁹ Pham Thi Phuong Thao. The New Economy in ASEAN. ASEAN Focus. 2017. № 3. P. 14-15.

¹⁰ По оценкам Азиатского банка развития. ASEAN 4.0: What Does the Fourth Industrial Revolution Mean For Regional Economic Integration? ADB White Paper. November 2017. P. 8.

¹¹ Там же. P. 11.

¹² Koty A. Labor Mobility in ASEAN: Current Commitments and Future Limitations. ASEAN Briefing. 13 May 2016. URL: // <https://www.aseanbriefing.com/news/2016/05/13/asean-labor-mobility.html>

¹³ Solon O. Alibaba founder Jack Ma: AI will cause people ‘more pain than happiness’. The Guardian. 24 April 2017. URL: // <https://www.theguardian.com/technology/2017/apr/24/alibaba-jack-ma-artificial-intelligence-more-pain-than-happiness>

¹⁴ Establishment of the ADMM-Plus Experts’ Working Group on Cyber Security. Concept Paper. Draft as of 22 April 2016. URL: // <http://mod.gov.la/10thADMM/assets/6-revised-concept-paper-on-establishment-of-ewg-on-cyber-security-as-of-20160423.pdf>

¹⁵ Bima Yudna Wibawa Manopo, Diah Apriani Atika Sari. ASEAN Regional Forum: Realizing Regional Cyber Security in ASEAN Region. // *Belli ac Pacis*. 2015. Vol. 1. N. 1. P.44-51.

¹⁶ ASEAN 4.0: What Does the Fourth Industrial Revolution Mean For Regional Economic Integration? ADB White Paper. November 2017. P. 15-17.

¹⁷ The ASEAN ICT Master Plan 2020. Jakarta: ASEAN Secretariat. URL: // http://www.asean.org/storage/images/2015/November/ICT/15b%20--%20AIM%202020_Publication_Final.pdf

¹⁸ См., например: Канаев Е. Факторы успешности АСЕАН и конституирование Большой Евразии. *Международные процессы*. 2017. Т.15. № 3. С. 81-89.